

МИХАИЛ ЧВАНОВ

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Аксаковский фонд, Салаватская епархия Русской Православной Церкви, Уфимский поисково-спасательный отряд МЧС России организовали уникальную экспедицию, посвящённую 50-летию первого спуска в крупнейшую пещерную систему Урала — пропасть Кутук-Сумган — и 25-летию МЧС России.

Ещё целую неделю после экспедиции я видел себя во сне висащим над бездной в первом, 75-метровом колодце пропасти Кутук-Сумган вниз головой, хотя почти вниз головой полчаса висел в ней не я, а “полковой священник” Аксаковского фонда игумен Зосима, настоятель Дмитриевского храма в Аксаковском историко-культурном центре “Надеждино”, а я, задрав голову, беспомощно наблюдал за этой жутковатой сценой снизу, со скользкого ледника, пока на помощь к нему не пришёл снизу по вспомогательной верёвке спасатель 1 класса Илья Пахомов, который и выпутал его из верёвочной петли-западни. Наконец, поднявшись на поверхность, как мне потом расскажут, с совершенно синим лицом от прилива крови в голову, отец Зосима скажет: “Спасибо Господу и Михаилу Андреевичу за предоставленную возможность участвовать в этой экспедиции!” — а позже, уже освобождённый от альпинистской обвязки и немного отдышавшись, добавит цитатой из “Дневных записок” академика Ивана Лепёхина, сказанным тем при спуске в недалеко находящуюся отсюда Антониеву пещеру: “Но оное место столько стоило нам труда и опасности, что мы многожды о нашем предприятии разкаивались...”

Но начну сначала. Из полученных мною государственных, общественных наград и литературных премий, нисколько не умаляя значимости их, более всего я, наверное, дорожу почётным знаком “Отличник разведки недр”, присвоенным мне более 50 лет назад, 21-летнему выпускнику филологического факультета, Министерством геологии СССР за руководство экспедицией Башкирской республиканской секции спелеологов и географического факультета БГУ (научные руководители Е. Д. Богданович и И. К. Кудряшов), осуществившей первый спуск в крупнейшую и сложнейшую пещерную систему Урала — пропасть Кутук-Сумган, за два года до того обнаруженную геологами А. Олли и Р. Алксне. Признаюсь, что горжусь этой страницей в своей биографии: за три сезона работы в пропасти, а мы произвели топографическую съёмку её полостей на протяжении около 6 километров, спускаясь во всё новые и новые колодцы, ведущие всё дальше вглубь Земли, продираясь сквозь шкуродёры, плавая на резиновых лодках по подземным рекам, по несколько суток сменами живя там, я не потерял ни одного человека, но уже следующая экспедиция, Московского университета, закончилась трагически: двое погибших... О непростой истории исследования пропасти свидетельствуют мемориальные доски на скалах над её жерлом. Не случайно, что в туристских

проспектах её называют Пастью Дьявола, хотя я категорически против этого названия.

Мне, тогда начинающему писателю, пропасть Кутук-Сумган дала возможность взглянуть на планету как бы со стороны: в пещерах, может, чисто психологически, иначе идёт время, это словно обратный космос. В результате родилась повесть “Лестница в небо”, переиздававшаяся много раз и, может, определившая в какой-то степени мою дальнейшую писательскую судьбу.

Идея юбилейной экспедиции родилась не сразу...

Положив шесть летних сезонов на исследование всемирной известной Каповой пещеры (дальних её горизонтов, куда до сих пор не пускают туристов, где в подземной реке незадолго до этого погиб мой друг спелеолог Валерий Нассонов), а затем первоисследованию недавно открытых Кутукских пещер, я не просто остыл к пещерам, заработав в них клаустрофобию (боязнь замкнутого пространства), а стал испытывать к ним полное равнодушие, граничащее с отвращением. Может, это чувство бросило меня в противоположную стихию: к кратерам в то время самых грозных действующих вулканов Камчатки. После трёхдневного штурма (внизу – плюс 20, вверху – минус 30) я стоял на вибрирующем ребре кратера высочайшего в Евразии Ключевского вулкана (4850 метров прямо из океана), передо мной, словно манная каша в гигантской кастрюле диаметром в 800 метров, хлопала лава, стараясь перебраться через ребро кратера вулканические бомбы, иногда ей это удавалось. На другой день после восхождения к кратеру отличающегося особой свирепостью вулкана Безымянного ребро кратера, на котором мы вчера стояли, было снесено очередным взрывом, землетрясение от него настигло нас уже километрах в пятнадцати от вулкана, заставив опрокинуться на наши тяжёлые рюкзаки. Потом были извергавшиеся вулканы Плоский и Острый Толбачики. Потом один из четвёрки папанинцев, академик Е. К. Фёдоров, и легендарный полярный штурман, высаживавший папанинцев на полюс, В. И. Аккуратов, попросили меня организовать экспедицию по поискам пропавшего в 1937 году при перелёте из СССР в США через Северный полюс самолёт С. А. Леваневского. Потом... Много ещё было разных непростых дорог, и меня не покидает неуютное чувство, что они, может быть, увели меня от главного, что я не оправдал наказа моего духовного наставника в литературе, большого белорусского писателя Василя Быкова, написавшего мне в пору навешивания на меня различных ярлыков и в пору его глубокой опалы: “Не слушайте там всяких... Вы можете. Многое можете. Только не надо растрачивать себя по пустякам, соберитесь с силами и напишите что-нибудь значительное, ёмкое и глубокое”. Чем я только не занимался и не занимаюсь, отрывая себя от главного! В то же время, кто знает, что у человека главное? Меня не может не заставить задуматься, что читатель уже не плачет над тем, что я, умудрённый опытом, пишу сегодня, а снова и снова возвращается к моим ранним вещам, таким, как рассказ “Билет в детство”. Что-то я потерял в этих экзотических дорогах, может, главное...

Да, к пещерам я больше не испытывал интереса. Но пропасть Кутук-Сумган была для меня не просто пещерой – она постоянно была в памяти. И висит над моим рабочим столом фотография “Лестница в небо”, сделанная мной более 50 лет назад, висящим на лестнице из тонкого стального троса в жерле пропасти. Я просил висящего чуть ниже меня профессионального фотографа Евгения Шарова: “Сделай кадр! – Не получится, мало света. – Тебе что жалко, кадра? Дай фотоаппарат!” Дилетант часто делает возможным то, что профессионал считает невозможным, это правило касается и литературы. Эта фотография стала признанным символом пропасти, она не только на обложках почти всех переизданий моей повести “Лестница в небо”. Всё дальше уходило время первого спуска, и, к удивлению нашему, первопроходцев, с каждым годом всё больше находилось людей, которые спустились в пропасть, ставшую широко известной не только в России (к примеру, два года назад была организована международная экспедиция спелеологов-подводников, пытавшаяся проникнуть в пропасть со стороны вытекающей из неё подземной реки), “первыми”, хотя названия, данные колодцам, лазам, залам, на всех топографических планах пропасти были почему-то нашими. Последней каплей было, когда в позапрошлом году в Черногории случайный знакомый, узнав, что я из Башкирии, воскликнул: “У вас там есть пропасть Кутук-Сумган, в которую я спускался первым”. – “Когда?” – спросил я его. “В 1986 году”. – “Ты ещё

под стол пешком ходил, когда я в неё спускался!” И тут позвонил мне мой старый друг, начальник Уфимского поисково-спасательного отряда МЧС России Вячеслав Владимирович Климец, для меня просто Слава, в ту далёкую пору провожавший меня в экспедицию в пропасть в роли начальника контрольно-спасательной службы областного совета по туризму: “У меня в архиве сохранился твой экспедиционный отчёт, заезжай, подарю”. Я читал свой отчёт как приключенческий роман: уже забылось, как добирались до горно-таёжного села Бурзян самолётом, потом рубили сухостойные сосны на прибрежных скалах, из которых вязали плоты, как сплавлялись на них по Белой до урочища Сакаска, как перетаскивали грузы по ущелью с необыкновенно суровой и в то же время доброй душой... Я передал этот отчёт в музей Национального парка “Башкирия”, на территории которого теперь находится пропасть и в туристических буклетах которого о первопроходцах пропасти была такая чертополошица... И в разговоре с тогдашним директором парка И. И. Якуповым родилась идея “юбилейной” экспедиции. Мои друзья, первопроходцы Владимир Камалов, Александр Жаркевич, Эдуард Нигматуллин, Рудольф Бураков, Александр Петраш с радостью приняли моё предложение. На вопрос, есть ли желание снова спуститься в пропасть, не задумываясь, ответили: “Есть!” Но как это осуществить, начиная с того, что у нас нет никакого снаряжения? Тогда я поехал в Уфимский поисково-спасательный отряд: мой дорогой друг Слава Климец и сменивший его на посту начальника отряда Юрий Иванович Зуев сказали: “Поможем! Только напиши письмо начальнику Приволжского регионального центра МЧС России генерал-полковнику Игорю Константиновичу Паньшину. Мы народ служивый, нам нужен приказ или разрешение. Мы посвятим этот спуск 25-летию МЧС, и с вами пойдут наши лучшие спасатели”. Транспортные и технические проблемы брал на себя сопредседатель Попечительского совета Аксаковского фонда, гендиректор Катав-Ивановского приборостроительного завода Челябинской области Динар Равильевич Сагдетдинов. Началась подготовка к экспедиции.

Незадолго до того на Международном литературном форуме “Золотой виаз” в Пятигорске мне подарили альбом: священники местной епархии вместе с альпинистами продолжают поиски солдат, погибших в Великую Отечественную на Марухском перевале. По возвращении в Уфу я при случае передал альбом не столь давно возведённому в сан епископу Салаватскому и Кумертаускому Николаю (Субботину).

– А можем ли мы организовать нечто подобное? – неожиданно спросил он.

– Можем, – не задумываясь, ответил я. – В верховьях Белой в отвесной 165-метровой скале есть Антониева пещера, в которой во второй половине XVIII века жил монах-пустынный. Есть документальное свидетельство. В мае 1770 года его келью в пещере посетил академик Иван Лепёхин, он отметил этот факт в своих “Дневных записках”. Он спускался в неё с верха скалы по узкому уступу. Позже этот уступ якобы был разбит молнией, и пещера стала недоступной. Мы совместно с МЧС России готовим юбилейную экспедицию в пропасть Кутук-Сумган, которая находится примерно в этом же районе, мы могли бы запланировать и спуск в Антониеву пещеру. Подумайте. Что касается пропасти Кутук-Сумган, мы были бы благодарны Вам, если бы Вы отслужили молебен по всем погибшим в этой пропасти, попросили бы Господа здравия всем покалеченным в ней и освятили бы её на предмет возможных будущих экспедиций, сняв с неё клеймо Пасти Дьявола.

На другой день по электронной почте я отправил владыке отрывок из “Дневных записок” академика И. И. Лепёхина:

“...разные чудеса, которые нам о сём удалившемся человеке рассказывали, побудили нас и его посетить уединение. Жилище его было посреди утёса высочайшей горы... Первый к нему приход с левой или западной стороны хотя трудноват, но, однако, не неприступен. Редкий по горе лес в слаживании по крутизне много нам вспомоществовал; да и остальное пространство, спускаясь по канату, преодолеть было нетрудно. Но самоважнейший проход поперёк горы до жилища Антонова весьма был страшен. В утёсе как бы нарочно оставленный уступок, шириною на пол-аршина (аршин – 71,12 сантиметра. – **М. Ч.**), а инде и менее, последнюю тропу к Антонову составлял жилищу. По оному должно было пробираться сажень до десяти, имея под собою и перед собою прямой каменный утёс. Приступок сей кончится как бы в нарочно сделанных переходах, укреплённых вверху в половину дуги сведёнными

бревнами. От оной свободный уже проход в нарочито пространный грот... В сём гроте избрал себе уединенное жилище упомянутый Антон... Не без услужения смотрели на труды сего человека. Все нас уверяли, что без всякой помощи устроил он себе жилище, которое казалось нам быть делом многих людей. От грота вниз горы сажен на пять была крутизна, под которою остальная горы высота сажен на тридцать представляла прямой утёс. Крутизну оную сравнял он огромными камнями, между которыми иные казались нам быть с лишком пуд в десять. От сего перед гротом произошла ровная квадратная площадь на восемь сажен в поперечнике; и поверхность ея убита была глиною с песком весьма гладко. На сей площади сооружена его храмина, из трёх маленьких покойцев состоящая. Снаружи сделана она из кирпича, который в одной горной расселине им и был обжиган, а внутри стены убраны были изрядною столярною работою. В среднем покойце под полом выдолблен был в камне колодезь, наполненный холодною и прозрачною водою. Пустынника в его уединении мы не застали, но нашли только его книги, которые были все письменные (рукописные. — М. Ч.) и содержали в себе жития разных пустынножителей. Уравнение площади показалось нам быть удивительно, да и лес, которым был наполнен весь грот, не менее приводил нас в изумление. Он складен был в порядочную на козлах сделанную поленницу, а поленья составляли сосновые брёвна длиною в полторы сажени, а в отрубе иные были в три четверти. Из всех его приуготовлений видно, что он для себя избрал трудолюбивую и богомольную жизнь... Сие я достойным описания почёл, дабы со временем оно не подало причины к каким-нибудь заблуждениям... ”

“Заблуждения” случились. Осталась тайной судьба отшельника. Покинул ли он свою келью в скале, удалившись от людей глубже в уральские дебри или даже в Сибирь, или погиб, когда якобы ударившая в скалу молния обрушила уступ, и от молнии сгорели все его “покойцы” и книги? Но смущают такие факты: молния ударила бы, скорее всего, в вершину скалы, а не в середину её, как и разнесшийся слух, что не иначе, как Антоний хранит золото, может, даже Пугачёва, поскольку пугачёвцы в 1774 году разорили соседний Иргизлинский медеплавильный завод. Не убит ли он был и не сожжена ли для сокрытия убийства его келья, как были убиты несколько человек, волей горькой судьбы оказавшихся в окрестностях пещеры и не подозревающих, какую опасность она несёт в себе, уже в XIX и даже в XX веке? Я сам во время одной из экспедиций испытал к себе повышенное внимание, когда, сплавляясь по Белой, остановился на ночлег напротив пещеры. Тут же появился мужик из соседней деревни Кутанов с вопросом, не альпинист ли я и не собираюсь ли в пещеру, а если собираюсь, то, если что найду там, надо делить пополам. Чем больше я его убеждал, что остановился напротив пещеры только на ночлег, тем большее сомнение читал в его глазах. Я предпочёл свернуть палатку и поплыть дальше.

Позже спелеолог Юрий Соколов, сын нашего экспедиционного врача Виктора Михайловича Соколова, кстати, дальнего родственника С. Т. Аксакова, закончивший географический факультет, тем самым нарушив двухвековую потомственную врачебную традицию, спустился в пещеру через несколько лет после салаватских альпинистов, обнаруживших в ней закопченные своды, остатки обгорелых брёвен, полусгнившие верёвки и ворот, которым Антоний поднимал снизу брёвна для своего жилища, дрова и скромные подаяния, которые привязывали к верёвке сплавщики железа с белорецких заводов, а он их благословлял на удачный путь.

— Скорее всего, уступ перед пещерой обвалился не от молнии, а от его перегруза и смещения центра тяжести, — высказал предположение Юра, — ведь Антоний увеличил его до площадки примерно в шесть метров на восемь. Такие размеры, судя по сохранившимся брёвнам, имела его храмина. Редкой был силы и смелости человек. Ну, и академик Лепёхин тоже был не из робких, хотя он попал в пещеру уже по налаженным Антонием висячим мосткам. Как Антоний крепил брёвна под эти мостки в отвесной скале, на такой высоте?! А вот с Лепёхиным не захотел встретиться. Можно, конечно, предположить, что его в это время просто не было в пещере, а я полагаю, что он избежал встречи.

— А того мужика из Кутанова ты не встречал? Жив ещё?

— Говорят, в прошлом году умер. Перед смертью, когда уже совсем не встал с постели, наказывал, чтобы обязательно приехал Никитин из Салавата: “Хочу ему перед смертью что-то рассказать, очень важное... Пусть обязательно приедет. Пусть поторопится...” Видимо, опять про золото...

Через несколько дней епископ Николай на моё предложение посетить Антониеву пещеру ответил вопросом:

– С чего начинать подготовку экспедиции?

– Есть в епархии клирики или прихожане – альпинисты, бывшие десантники?

– Я сам буду спускаться, – неожиданно сказал владыка. – За мной будут спускаться священники, казаки. Прямо в пещере будем служить литию по пустынному (заупокойную службу).

– Владыка, Вы не представляете, насколько это сложно. Это спуск на верёвке по отвесной скале 75 метров, потом вкачиваться в пещеру, потому как скала в том месте имеет отрицательный угол, а потом столько же спускаться вниз к подножью скалы.

– Да? Но я уже объявил о своём решении прихожанам, что буду сам спускаться, назад пути нет.

В результате родился общий план экспедиции, тем более что между Антониевой пещерой и пропастью Кутук–Сумган менее полусотни километров. Но это почти абсолютное бездорожье, что ставило перед нами сразу несколько технических и организационных проблем. Если перебазироваться сухопутным путём, то для переброски почти пятидесяти человек и нескольких тонн груза потребуется большое количество вездеходных машин, при этом можно окончательно разбить лесную дорогу, проходящую по Национальному парку “Башкирия”, к тому же экспедиционную неделю синоптики обещали дождливой. Можно перебазироваться водным путём, водохранилищем до бывшего хутора Сакаски, но как поднимать по ущелью к пропасти на расстояние четырёх с половиной километров несколько тонн груза? Было решено, что грузы на квадроциклах и на двух “уазиках” в сопровождении военного внедорожника “шишиги” (ГАЗ-66) отправим горами, а сами на надувных катерах МЧС отправлюсь водным путём, чтобы подняться к пропасти по ущелью налегке, где нас встретят пришедшие туда раньше нас и разгрузившиеся квадроциклы.

И вот мы на поляне напротив Антониевой пещеры. Совершенно отвесная скала с чёрным отверстием посередине во всей своей строгой и совершенно неприступной для простого человека красоте.

Владыка Николай, опершись на самодельный посох, внимательно и напряжённо всматривается в неё. Спасатели начинают чистить от сыпучих камней трассу спуска, и то и дело камни в одиночку или разнокалиберной россыпью с грохотом рушатся вниз, в реку.

– Ну как, владыка? – осторожно спрашиваю я.

– Буду спускаться.

Я подошёл к его священническому воинству:

– Ну, что вы решили? – мне нужно было определиться с количеством спускающихся в пещеру, чтобы поставить задачу спасателям.

– А что решил владыка?

– Однозначно – спускаться.

– Ну, нам тогда ничего другого не остаётся, – улыбнулся протоиерей Валентин Попов, настоятель Богородице-Казанского храма с. Верхотор.

Наутро я видел, что владыка с трудом скрывает волнение. Спасатели дали сигнал: пора!

– Благословите меня, Михаил Андреевич!

– Ну, владыка! Вы меня возвели, по крайней мере, в сан митрополита, раз я благословляю епископа, – перекрестив, засмеялся я. Я понимал, что это непросто: не имея никаких навыков альпинизма, впервые в жизни шагнуть с отвесной 165-метровой скалы в пустоту. Именно шагнуть и потом шагать по скале, а не тащиться по ней на животе, обдираясь и ударяясь о выступы скалы, а потом зависнуть в пустоте и попытаться вкачнуться в пещеру.

Рядом с владыкой по второй верёвке пошёл с телекамерой на каске Булат Каримов, ведущий программы “Следопыт” Башкирского спутникового телевидения. Над ними завис беспилотник, которым управлял Динар Равильевич. Главное – пересилить себя и встать на ноги перпендикулярно скале. Первые неуверенные шаги, потом – всё уверенней. И вот владыка идёт уже уверенно. Все остальные участники экспедиции напряжённо наблюдают за ними снизу, с противоположного берега Белой. Вот он надолго завис на одном месте, но уже не по причине неумелости, а по просьбе Булата Вильевича, который в таком положении решил взять интервью. Вот они уже поравнялись

с пещерой, пытаются по очереди вкаться в неё. Не сразу получается, но вот они оба скрылись в ней.

Теперь очередь за священниками. И, прежде чем шагнуть за обрыв, они раскидывают руки крестом, тем самым давая спасателям знак о готовности к спуску. По проложенному владыкой пути пошли один за другим, как солдаты за своим командиром, протоиерей Валентин Попов, иерей Олег Кабуков, казачий атаман Сергей Кулагин, разумеется, “полковой священник” Аксаковского фонда игумен Зосима. Вот, наконец, они все в пещере, над скалой нависает тишина, словно на ней никого и не было. И можно только догадываться, как в пещере идёт церковная служба, видимо, по полному чину, потому как продолжалась она не менее часа...

Потом один за другим все спустились дальше вниз к подножью скалы, где их ждала лодка, чтобы переправить на наш берег...

На другой день переброска к пропасти Кутук-Сумган. Выгрузившись из катеров, поднимаемся по Сакасскому ущелью. Ущелье, как и 50 лет с лишним лет назад, потрясает своей красотой. Если я когда-нибудь ещё вернусь сюда, то только из-за него. Если раньше по нему можно было подняться, пусть с трудом, на лошади с телегой, то после гибели хутора Сакаска за дорогой перестали следить и убирать то и дело обваливающиеся со скал глыбы, и от бывшей дороги не осталось и следа. По выходе из ущелья нам всё чаще попадаются “кучки”, оставленные медведями, но, к нашему удивлению, нас не встречают квадроциклы, хотя давно должны были быть здесь. Только уже около самого лагеря один из них появляется нам навстречу: оказалось, что, в отличие от нас, сухопутную группу два раза накрывал ливень, и дорогу в 35 километров наш грузовой караван преодолел только за пять с половиной часов, и то только благодаря “шишиге”.

И вот перед нами пропасть. Сколько ни рассказывай, пока не увидишь, не поймёшь, что это такое. Кое-кто даже не решается подойти близко к её краю.

В связи со сложностью спуска и ограниченностью времени решено разрешить спуск только “юбилярам” и страхующим их спасателям.

Меня отвёл в сторону игумен Зосима.

– Никак нельзя, чтобы я не спустился. Какой же я тогда “полковой священник”?

– Ну, если сможете уговорить спасателей, – поддался я.

В 7 утра, когда все ещё спят, спасатели уходят навешивать снаряжение. Вместе с ними втихомолку уходит отец Зосима.

Над зевом пропасти панихида по погибшим в ней и по Валерию Нассонову, погибшему в Каповой пещере. У меня на ремне в память о нём – альпинистский карабин, снятый с него после его гибели. По окончании службы неожиданно просит разрешения на спуск владыка Николай. Я не знаю, как быть, но спасатели тверды:

– Владыка, Вы не представляете всей сложности спуска, – убеждает его Слава Климец. – Это очень опасно. Это гораздо опаснее и сложнее, чем спуск в Антониеву пещеру. Кроме как спуститься, нужно ещё подняться.

Явно расстроенный, владыка отходит от жерла пропасти.

Я готовлюсь к спуску. Перед тем захожу за угол скалы, меряю давление: повышенное. Делаю пару глотков коньяку из фляжки: давно убедился – самое лучшее средство, сую её за пазуху. Меня обязывает Юра Соколов, отправляющийся в первую нашу экспедицию ещё с ночным горшком, а через месяц ему уже стукнет 60. И только сейчас узнаю, что в пропасть не идут за мной ни ведущий телепрограммы “Следопыт” Булат Каримов, ни телеоператор Ринат Кашапов, ни входящий в группу Башкирского спутникового телевидения спасатель 1-го класса Юрий Туманов. Спрашивать – почему? – уже некогда, я уже, я уже, откинувшись, завис над жерлом пропасти.

На первом десятке метров волнение проходит. Стена резко уходит в сторону, я зависаю в пустоте, останавливаюсь, осматриваюсь, медленно вращаясь на верёвке из стороны в сторону. Пропасть шелестит то ли промозглым туманом, то ли вечностью, мимо пролетает жёлтый лист, напоминая о приближающей осени, на Земле я этого ещё не замечал. Что я себе или кому хочу доказать? Хочу оправдаться перед собой, что три года назад не решил отправить в экспедицию в Арктику с группой спасателей международного класса и бывших офицеров легендарного 45-го полка спецназа ВДВ, искать

следы пропавших спутников нашего земляка Валериана Альбанова, штурмана экспедиции Георгия Брусилова на шхуне “Св. Анна”? После долгих раздумий я тогда отказался по причине, что мог сорвать экспедицию, вместо поисковой превратить её в спасательную: всего полтора года назад кардиохирурги вытащили меня с того света. Мне 70 с лишним лет, за спиной куча болезней одна веселее другой, тяжёлая контузия, я не однажды шит и перешит, распилен вдоль и поперёк, от нынешней моей болезни, как говорит в шутку и всерьёз мой врач, сердечный друг, может вылечить только гильотина. Я всё никак не могу приступить к своей главной книге...

Но надо идти дальше. Неожиданно попадаю в петлю навешенной поперёк стены верёвки, по которой “ходят” спасатели. Кричу наверх – там ещё слышат меня, дальше сообщаться будем только по радиации, – чтобы основную верёвку резко дёрнули вверх, а страховочную, наоборот, отпустили, и, оттолнувшись руками и ногами от стены, переворотом через голову выскакиваю из петли, придя в восторг оттого, что я автоматически, не задумываясь, сделал это, моё тело, как 50 лет назад, послушалось меня... При перевороте выскользнула из кармана фляжка с “лекарством” и со свистом летит вниз, и через минуту я слышу снизу по радиации голос Ильи Пахомова: “Нехорошо, Михаил Андреевич, пытались протащить контрабанду, конфискуем”. Но конфискованным контрабандным “лекарством” воспользоваться не удалось: стальная фляжка, набрав снарядную скорость, при ударе о лёд разошлась по швам.

И вот я на дне первого 75-метрового колодца: лёд, холод, шелестящая тишина, кусочек серого неба далеко вверху. Меня встречают прятавшиеся под уступом спустившиеся раньше меня спасатели Илья Пахомов и Артур Мустафин, и улыбающийся “полковой священник” игумен Зосима: мало ли чего, кроме фляжки с “лекарством”, я мог обрушить им на голову. Надо сказать, что нас, мирских, команда священников во главе с владыкой Николаем без преувеличения потрясла. У некоторых из нас, грешных, нечего скрывать, о них было представление, что кроме того, как махать кадиллом, они ни на что не способны. За мной спускаются мои товарищи по первому спуску: Владимир Камалов, Александр Жаркевич, Эдуард Нигматуллин.

В три стороны идут ходы. Уже не всё помнится. Первый ход сразу же заканчивается тупиком. Второй в скором времени обрывается новым колодцем. В третий продираемся через шкуродёр только со спасателем Илеем Пахомовым, и снова скоро нас останавливает шелестящим мраком колодец. Чтобы спуститься в него, нужно было навешивать верёвки, но у нас на это просто не хватает времени, да и не было такой цели – уходить далеко вглубь пропасти, хотя, конечно, жаль, что мы не дошли хотя бы до зала Геофака, где когда-то стояли наши экспедиционные палатки, где мы, не имея возможности каждый день подниматься на поверхность, сменами жили по несколько суток, вечерами возвращаясь, до предела вымотанные за день, из всё более дальних и глубоких горизонтов пропасти. Но зато какое было счастье – наконец увидеть небо!

Возвращаемся к стволу пропасти. Игумен Зосима начинает меня благодарить, как благодарил, когда я помог ему поехать на 70-летие Победы в Севастополь, где он служил срочную военным моряком.

– Не торопись благодарить, батюшка! – остановил я его. – Что в горах, что в пещерах, самое трудное – обратная дорога.

Увы, я оказался прав. Кто-то из “юбиляров”, спускаясь, прошёл петлю, из которой так лихо неожиданно для себя вывернулся я, внутри неё, может, посчитавши, что так и нужно. И начавший подниматься первым игумен Зосима упёрся в неё, оказавшуюся между страховочной и основной верёвкой, к тому же зависнув чуть ли не вниз головой. Выпутаться из этой ситуации самостоятельно он не мог, нужно было вытягивать его наверх, перепускать через петлю страховочную верёвку, и на помощь ему срочно “пошёл” снизу на вспомогательной верёвке спасатель Илья Пахомов, а мы, четверо “юбиляров” со спасателем Артуром Мустафиным, задрав головы, беспомощно смотрели вверх, время от времени окликая батюшку Зосиму, чтобы он не испытывал чувства одиночества. Каждый раз он неизменно откликнулся: “Всё хорошо!” – хотя понятно было, что хорошего было мало. Я то и дело просил Сашу Жаркевича, как оказалось, единственно спустившегося с простеньким фотоаппаратом: “Снимай!” – потому как два профессиональных фотографа со своими навороченными фотокамерами тоже не решились на спуск в пропасть. Их можно только пожалеть – каких они лишились кадров!

Всё время экспедиции спасатели, а это Аркадий Маренин, Эльвир Сабатов, Игорь Пихтовников, Анатолий Васильев, Евгений Яковлев, Сергей Буев, Владимир Григорьев опекали нас, как малолетних детей в песочнице, а всем этим руководили Юрий Иванович Зуев и Вячеслав Владимирович Климец. Подъём игумена Зосимы в результате занял почти полтора часа. Стоять на промозглом сквозняке на скользком грязном леднике, задрав голову вверх, было очень неудобно! Несмотря на шерстяные носки, подмерзают ноги, да и спина начинает стынть. Наконец, один за другим начинаем уходить наверх, а если говорить правду, нас попросту вытягивают наверх, потому что подъём не по верёвочной лестнице, как полвека назад, а по верёвке “на стременах” занял бы очень много времени, а на Земле уже приближаются сумерки, да и, может, не каждому из нас он был бы под силу... Последним из пропасти поднимается спасатель Артур Мустафин.

Теперь я знаю, что надо было повторить эту дорогу, чтобы снова испытать то непередаваемое чувство, когда на последних метрах подъёма из пропасти тебя снова охватывает волнение, переходящее в страх, что тебе что-то помешает преодолеть эти последние метры над бездной, которая, кажется, не отпускает тебя, и ты, наконец, вновь оказываешься на Земле, и тебя обволакивает густой воздух, настоящий на душе и зверобое...

Почему-то все мы, наконец, поднявшись, неосознанно опустили на колени...

Потом говорили, что у всех у нас были какие-то блаженные лица...